

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО

Рассказ

Маша сидела перед зеркалом и училась краснеть. Тренировка была простой, но нервной и трудоемкой. К тому же перед каждым новым подходом приходилось дожидаться, пока спадет румянец. Это было сложно, ведь для того, чтобы покраснеть, Маше требовалось в малейших подробностях представить одну или несколько сцен прошлого, которые гнали потоки горячей крови к щекам. На столике перед зеркалом лежала рукописная шпаргалка с простой табличкой. В левой графе были описаны все ситуации, когда Маше нужны внезапно румяные щеки, в правой – события прошлого, воспоминания о которых позволят Маше добиться нужного результата.

Самая частая задача – мужчина делает комплимент и нужно отреагировать. Здесь Маша использует историю с Олегом, первым боссом.

Будучи студенткой третьего курса московского пединститута, Маша твердо решила переехать из девичьего общежития в съемную квартиру. Для этого нужны были деньги, но Маша ничего не умела и никогда раньше не искала работу. Зато представителью выглядела и владела английским. Поэтому решила стать сразу помощником руководителя. Ведь в России на этой позиции не нужно уметь ни помогать, ни руководить. После пары ночей, проведенных на «хедхантере», Маша наконец попала на первое собеседование. Прямо к владельцу мелкооптовой фирмы. Его звали Олег Иванович.

Интервью длилось недолго.

– Офисной техникой владеете? Компьютер, принтер, факс, – спросил Олег Иванович.

– Плюс-минус. Печатать могу, – честно ответила Маша.

– Хм. Ну, остальному обучим. С основами делопроизводства знакомы? Ведение учёта входящих, подготовка приказов...

– Нет, – Маша продолжала говорить правду, нагло глядя в глаза серьёзному мужчине в нелепой бледно-жёлтой рубашке с короткими рукавами.

– Ну опыт-то есть какой-то? Что-то вы в своей жизни профессионально делали? – Олег Иванович начал нервничать.

– Нет, – всё так же спокойно ответила Маша.

– Так какого хрена пришла? Хоть чего-нибудь умеешь? – вскипел Олег Иванович и закурил прямо в кабинете.

– Да, – робко сказала Маша и покраснела. Вероятно, ей показалось, что Олег Иванович имеет в виду что-то явно не связанное с мелким оптом и делопроизводством. Возможно, Олег Иванович что-то такое и имел в виду, потому что встал и закрыл дверь кабинета на ключ.

Олег Иванович стал первым взрослым мужчиной, который обратился к Маше как к безмозглому, но глубоко привлекательному существу. Похожее поведение однокурсников Машу совершенно не возбуждало, юношеские романы длились не больше месяца. Машу интересовали состоявшиеся люди, которые всё всем в этой жизни доказали. Рядом с ними Маша превращалась в японскую наложницу, смиренную и развратную. Понять это Маше помог именно Олег Иванович.

Спустя годы воспоминания о том интервью помогали Маше быстро и правильно реагировать на любые комплименты и ухаживания. Комплименты Маша любила и, умело их добиваясь, вспоминала Олега по пять-семь раз за непродолжительное свидание.

Однако в табличке встречались и более сложные упражнения. Например, возмущение. Чтобы натурально и красиво отыграть возмущение, Маше приходилось вспоминать не самые приятные разговоры с матерью – единственным человеком, который по-прежнему мог вывести Машу из равновесия. Впрочем, перед каждым свиданием она надеялась, что молодой человек окажется вежливым и галантным (а может, чудаковатым или наивным), поэтому возмущение тренировала редко.

Максим стоял перед зеркалом и гримасничал. Ему нравилась подвижность и выразительность собственного лица. Он знал, что богатая мимика нравится девушкам определённого рода – слегка надменным молчаливым красавицам с большими глазами и пухлыми губами. Ровно такой ему представлялась Маша – последнее совпадение в дейтинг-приложении. Макс был уверен, что характер у Маши соответствующий – холодный, скупой на дружелюбие и заботу. Проще говоря, Маша должна быть стервой.

У мимики Макса была одна небольшая проблема. Студентом он играл в клубе веселых и находчивых. Играл в основном дурней, алкоголиков, плакс и прочих олухов, которых обижают статные парни в дешёвых пиджаках из «Зары». Диапазон образов был широк, и Макс плотно тренил каждый из них – хотел запомниться редакторам старшей команды и получить приглашение в основной состав. Макс прокачал каждую гримасу так круто, что разучился нормально реагировать на происходящее в обычной жизни. Лицо его, словно резиновое, растягивалось в любом из направлений. Брови улетали к затылку во время удивления, губы вытягивались в улыбке, обнажая ровные зубы, длинный нос морщился и плющился, когда Макс отыгрывал отвращение. Этакая смесь Джокера с Галыгиным минус чувство юмора.

Однако он знал, каким девушкам может нравиться, выбирал только таких, подкатывал только к таким и добивался только таких. Редко, конечно. И всё же возникало какое-то магическое притяжение между холодными красавицами и болтливый недокомиком.

* * *

Оставалось полчаса до выхода, и Маша решила посмотреть телик. Яркая картинка на экране плазмы всегда помогала справиться с волнением. Перед каждым свиданием Маша нервничала, как перед первым. Прошли годы с тех пор, как она в последний раз понравилась мужчине благодаря глупому взгляду и тонкой талии. Жизнь в Москве, неудачный гражданский брак, работа на износ потрепали её природную красоту. Хорошо, что осталась куча фотографий времён беззаботной юности. Вместе с тем Маша стала замкнутой и скупой на эмоции, начала осторожнее заигрывать с мужчинами, ценить своё

время. Она перестала кокетничать, смеяться невпопад и очаровательно тупить. Начала интересоваться курсом биткойна, выходками Илона Маска, даже читать политическую прессу. И однажды заметила, что на свиданиях ей быстро становится скучно, а то, что раньше получалось само собой – улыбаться, краснеть, восторгаться, возмущаться, – приходится тренировать и всячески контролировать.

По телику какой-то неприятный тип в католической сутане рассказывал о том, что наше ядерное оружие снижает потенцию западных стран до нуля. Маша попыталась вникнуть в аргументы, но поняла, что один звук его голоса вызывает в ней отвращение. «Свою потенцию прое.али и за чужую взялись, – подумала она. – Половина одиноких мужиков по вечерам дронит на фотки школьниц, а другая спит, чтобы по выходным выплывать на нерест. Какая потенция?» Недавно бомж в метро показал ей член. Вот там была потенция...

Вспомнив об этом, Маша загрустила. «Скоро только бомжей и буду радовать», – подумала она и налила себе немного «мартини». Сделав глоток, Маша переключила канал. Показывали русский сериал. Там играли свадьбу, потом жених сбежал с сестрой невесты, а всех гостей перестреляли бандиты. Невеста чудом выжила, остриглась наголо, пошла в секцию самбо и отправилась мстить. «Наверное, сценарии для всех русских сериалов пишут одинокие бабы. А что, это мысль...» – подумала Маша, допила «мартини» и выключила ящик. Пора выходить.

* * *

Оставалось еще полчаса до выхода, и Макс решил потыкать в «онлифэнс». Голые жопы на экране ноутбука всегда помогали справиться с волнением. Он всё равно не рассчитывал на секс сегодня – такие как Маша позволяют на первом свидании только деньги тратить.

Макс открыл банку с кремом для рук, нашел странички любимых девочек и подумал о том, как же странно всё устроилось. Ну вот нашли они условно легкий путь к деньгам. Конечно, не совсем легкий – надо решиться на обнажёнку, камеру хорошую купить, фантазию проявлять. Но всё же. Они проглотили блестящий крючок спроса на женское тело, который оцифровали два б.доватых американских еврея. И вместо эмансипации

и равного доступа к труду снимают трусы на кухне своей вонючей провинциальной панельки. А что с другой стороны? Работали бы училками, терпели домогательства потных математиков. Или нет. Или нашли бы своих принцев и счастливо спали только с ними. Но какие принцы в условном Волжске? Толстые и на старом «паджеро». Значит, ей – единственной красавице на весь Волжск – только в Москву бежать. А там в модели. Которые ходят за ручку с топ-менеджерами по закрытым показам плохих, но модных фильмов. А через пять лет будет честная квартира в стеклянной высотке и сопливый инстаграм с безвкусной едой. Да тлеющая надежда на внимание лоха из среднего класса, который в Турцию свозит и суши к сериалам закажет.

И вот красавица уже никуда не едет, и просто фоткает себя в разном белье, и имеет свои пятьдесят или сто тысяч в месяц, и может позволить себе лучший ресторан Волжска, и ездит в Гагры без всякого Яхина. А все бывшие принцы, которые могли за нее пободаться, сопят по вечерам на ее фото, заплатив десять долларов за подписку. Потому что нахуй они ей теперь не нужны. А раз не нужны, то ни к чему и в форме себя держать, и от пивка отказываться. Такая вот осень патриархата. Которая, в сущности, ведет только к равноправию непривлекательных людей. Ну а та самая «половина», о которой пророчески шутил Эдди Мерфи лет тридцать назад, плавно размазывается по короткому периоду расцвета гордых волжских красавиц с фотогеничной грудью.

Макс обратил внимание на время. «Кажется, надо кончать. В смысле заканчивать», – он невольно улыбнулся каламбуру. Как улыбался каждый раз, когда выдавал старые шутки из «камеди» за свои. Протер руки салфетками, сходил в ванную, покурил напоследок в кухонную форточку и начал одеваться.

* * *

Встретились в уютном гастробаре. Место выбирала Маша. По старой привычке посмотрела меню на сайте и решила проверить платёжеспособность кавалера. Она приехала вовремя, но посидела в такси пять минут и только потом зашла. Макс был на месте.

Он сразу показался ей немного странным. Слишком широко улыбается,

слишком театрально машет руками, рассказывая какие-то байки. Она заказала бокал «шабли». Он выбрал чилийское мерло и предложил пиццу на двоих. Официант порекомендовал самую большую и дорогую, Маша сделала вид, что именно ее и хотела. Когда ароматная «диаболо» оказалась на столе, он ушел мыть руки, а она быстренько сфотографировала стол и кинула в инсту.

Съели по кусочку, обсудили местный рецепт. Макс рассказал, что настоящая «диаболо» должна быть очень острой, потому что при готовке может использоваться только особый перец, почти такой же жгучий как чили – с острова Калабрия. Маша покивала и случайно покраснела. Вспомнила один неловкий эпизод с перцем.

Поговорили о работе. Маша наврала, что работает модельным агентом (кому нужен учитель английского в онлайн-школе?). Узнала, что Макс пишет сценарии для русских сериалов и комедий. Последние всегда казались ей дебильными, но об этом она деликатно умолчала.

Макс всё время странно гримасничал. Машу немного смущало, что в ответ на ее замечания он бурно восторгался или удивлялся. Пару раз громко заржал. Она покраснела, потом поправила причёску, потом сбегала в туалет, подумав, что с ней случился какой-то беспорядок.

– Какое кино ты любишь? – спросила она, чтобы перестать копать в себе.

– Да когда как, – ответил он. – Из последнего смотрел Вуди Аллена «Сладкий и гадкий». Понравилось.

– Это где пьяница-гитарист соблазняет гламурных девок, а потом глухонемая мышка его отшивает? – Маша любила этот фильм за мораль и мечтала, чтобы все самодовольные мужики когда-нибудь его посмотрели.

– Ну да, – подтвердил Макс и тоже смутился. – А ты?

– А я люблю комедии и всякие душевные фильмы. Ну вроде «Один плюс один». Или недавнего мультя «Душа» от «Пиксара». Смотрел?

– Ага. «Душа» душевная, – он широко улыбнулся. – Я только одного не понял. Там этот чёрный парень сыграл главный концерт в своей жизни, а потом вышел и такой типа «чё, это всё? Вот так всё быстро и закончилось?». Ну странная реакция, нет? Он же мечтал об этом! И еще сотню таких же канцев сделает. Чего ему не хватило?

– Хм, – Маша на секунду задумалась.
– Ну это знаешь... Как с сексом. Возбуждение может быть настолько велико, что, когда всё заканчивается, прямо как-то обидно, – тут она кое-что вспомнила, и по её лицу скользнула тень огорчения.

– Всё так, – он энергично закивал. – Но представь, в каком аду живут люди, у которых не заканчивается? – он сделал акцент на этом «не заканчивается» и засмеялся.

Маша удивленно подняла брови, потом поняла смысл шутки и подумала о том, что она, в сущности, и есть такой человек. Ей снова стало грустно.

Вскоре она допила второй бокал и предложила выйти покурить.

* * *

Макс вышел из такси в ста метрах от ресторана. Если она приехала раньше, он сможет увидеть ее с улицы через окно. Вдруг Маша окажется совсем не той симпатичной стервой, что на фото?

Прошелся пешком, покурил. Окна были зашторены, пришлось зайти. Столик пустовал. Макс сел, положил на стол свой кредитный «айфон» и начал изучать меню. Его немного расстроили цены, он рассчитывал как минимум выпить за приемлемые деньги. Ну хорошо, если она закажет дорогое вино, он предложит пиццу на двоих.

Маша опоздала всего на пять минут. Выглядела привлекательно, хотя в этом просторном платье невозможно оценить фигуру. Едва заметные морщины на лице, чуть потухший взгляд. Она старше, чем на фото, лет на пять-шесть. Впрочем, всё ещё остается красивой и как будто непрístupной.

Когда принесли пиццу, Макс решил, что пришло время поумничать. Сбежал до туалета, якобы вымыть руки, там погуглил историю «диаболы», вернулся и рассказал про особенный перец. Маша почему-то покраснела. Возможно, он что-то напутал. Впрочем, всё лучше, чем этот её бесконечный покерфейс.

Они поговорили о работе. Макс наврал, что пишет сценарии для русских сериалов и крутых комедий. Кому интересен корпоративный клерк, который пишет только унылые отчеты? Тем более что один второсортный канал как-то украл у Макса идею сериала, которую тот отпирывал на конкурс.

Поговорили о кино. Макс ляпнул, что ему понравился фильм Вуди Аллена, который он смотрел давно и вполглаза. Ему показалось, что Вуди Аллен добавит скучной беседе романтических ноток. Маша никак не изменилась в лице и в ответ как будто пристыдила его.

Потом Макс неудачно пошутил про секс («Баран, сколько раз говорил тебе: только не про секс!») и попробовал найти другие темы. Рассказал о том, как пробовался в стендап-шоу. Почему именно эта позорная история пришла ему в голову? С другой стороны, о чем еще разговаривать? Точно не о футболе, политике или курсе биткоина.

Он заметил, что Маша допила второй бокал. Если она снова закажет «шабли», он поедет домой на метро. Достал пачку сигарет. Она заметила это и предложила выйти покурить.

* * *

На улице было прохладно, несмотря на май. Он снял пиджак и накинул на плечи Маши. Она вспомнила, как в детстве отец укрывал ее своей курткой во время длинных прогулок. Шмыгнула носом. Отвернулась. Не стоит ему видеть смущение и благодарность на ее лице.

Макс подумал, что ей стало скучно, и постарался вспомнить что-нибудь интересное.

– Недавно у Птушкина выпуск про Бали смотрел. Он там познакомился с девчонкой-фотографом, которая делает фото только для «тиндера». Типа куча народу к ней приходит, потому что хочет выглядеть секси в профиле. Забавно.

– Угу, – едва слышно откликнулась Маша и подумала, что это упрек ее старым постановочным фото.

– А еще забавно, что на свиданиях из «тиндера» на ум приходят только вопросы и истории про «тиндер», – продолжил Макс и улыбнулся.

– А ты часто ходишь на свидания из «тиндера»? – Маша повернулась к нему.

– Смотря что такое часто, – Макс немного занервничал. Она проверяет его на блудливость?

– Я часто хожу, – спокойно ответила Маша. – Возможно, мне не везет. Может формат не совсем мой. Постоянно попадаются придурки с диким чезсвэ, которые все такие из себя. Врут о работе, мажорят, а не могут толком заплатить за

ужин. Ищут легкий съём и лепят, что чуть не жениться на тебе готовы. А я всё хожу, хожу. Сама не знаю почему. Наверное, ещё верю, что могу встретить достойного мужчину.

Макс занервничал сильнее и прикурил вторую сигарету. Б..., надо было как-то проще, что ли, с ней. И как она наваливает. Может, не в духе? И почему именно на него слилось всё это накопившееся разочарование?

Маша затушила сигарету, выдохнула дым. Ей стало немного легче, потому что она наконец выговорилась. Интересно, он не принял на свой счет все эти уколы? Он кажется вполне приятным, хоть и немного странным парнем.

* * *

Они вернулись в ресторан. Макс перестал кривляться и сдержанно реагировал на вопросы и шутки Маши. Она явно расслабилась. Выпили по чашке кофе. Макс расплатился и вызвал ей такси. Вышли на улицу, машина уже ожидала. Он неуверенно обнял Машу. объятия длились чуть дольше дружеских. Маша села в машину и уехала. Макс пошел к метро. Курил, листал друзей онлайн. В метро подумал об очередном вечере в компании своих развратных фотокрасавиц. Купил бутылку дешевого вина в магазине у дома.

Налив красного в простой гранёный стакан, он подумал, что эта Маша вся как лоскутное одеяло – как будто скроенная из разнородных эмоций, реакций, фраз, ухмылок и поз. Странная какая-то, не разгадаешь. «Ничего, ничего, завтра сама напишет», – подумал он и почесал

подбородок. – «А может, не напишет. Хотя мало ли таких. Но что-то всё-таки в ней есть... интригующее», – после этой мысли он закурил в форточку и уставился в окно, решив больше не думать о прошедшем свидании и вообще на время забыть на личную жизнь. Лучше честный конкурс сценаристов поискать.

* * *

Маша сидела перед включенным телевизором и думала, что этот Макс весь как лоскутное одеяло – как будто скроенный из нелепых гримас, ужимок, неадекватных реакций и неуместных историй. Обнял ее на прощание так, будто боялся прикоснуться. Или ему было неприятно? Может, написать ему? Сам он, кажется, не решится. Хоть и весь из себя такой бравый. А впрочем, мало ли таких.

Маша переключила канал. Показывали фильм Соррентино «Молодость». Маша знала и любила этот фильм, помнила почти каждый эпизод. Вот персонаж Майкла Кейна дирижирует звоном коровьих колокольчиков. Вот герой Харви Кейтеля нравоучает своих падаванов-сценаристов. А вот в бассейн к этим великолепным старикам спускается обнажённая Мисс Вселенная. Смотрит насквозь и уходит под воду. Выдающийся композитор и великий режиссёр не отводят глаз от надменной холодной красавицы. Когда-то и она – Маша – мечтала быть именно такой. Мечтала знать себе цену.

Она потянулась за телефоном и, поколебавшись секунду, удалила «тиндер».